

А. И. Алмазов

**Проклятие преступника
псалмами**

**(Psalmokatarata) К истории суда
Божьего в Греческой Церкви**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

A11 **А. И. Алмазов**
Проклятие преступника псалмами: (Psalmokatará) К истории суда Божьего
в Греческой Церкви / А. И. Алмазов – М.: Книга по Требованию, 2024. –
86 с.

ISBN 978-5-458-46752-0

ISBN 978-5-458-46752-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ виду такихъ представленій,—съ церковной точки зрѣнія, и для тѣхъ случаевъ, когда правонарушитель отсутствуетъ въ наличности и совершенно скрылся, мыслима столь же вѣроятная возможность—и обличить его, и воздать ему должное способомъ исключительнымъ,—хотя нѣсколько и напоминающимъ другія церковныя формы суда Божьяго въ тѣсномъ смыслѣ, но только болѣе общаго характера. Такимъ способомъ на этотъ разъ всегда могло пониматься вообще моленіе Церкви объ открытіи преступника,—но только моленіе, специально назначенное для такой цѣли. И несомнѣнно, въ практикѣ Греческой церкви примѣнялся и такой способъ. Практиковался онъ, однако, не въ видѣ простаго моленія объ открытіи преступника, но въ связи съ провозглашеніемъ отлученія его отъ Церкви, а точнѣе—въ связи съ проклятіемъ его Церковью. Вмѣстѣ же съ этимъ проклятіемъ возносилось и пламенное моленіе ожесточайшемъ и всеобъемлющемъ наказаніи преступника и пораженіи его всяческими, внутренними и внѣшними, недугами, которые свидѣтельствовали бы всѣмъ о немъ, какъ о преступникѣ и невольнo вызывали бы его на самообличеніе и самообъявленіе о совершенномъ имъ преступномъ дѣяніи.

Будучи таковымъ по общему характеру своего содержанія, указываемое церковное дѣйствіе, съ внѣшней стороны неразрывно связывалось съ одною характерною внѣшнею особенностью. Именно: матеріаломъ для молитвенныхъ формулъ, входившихъ въ его содержаніе, обязательно служили псалмы. Соотвѣтственно съ этимъ оно и носило наименованіе—*„Ψαλμοχατάρα“*, т. е. проклятіе псалмами.

При занятіяхъ греческими литургико-каноническими рукописями мы ознакомились съ двумя памятниками такого „отлучательнаго“ моленія или послѣдствія, которое по всей справедливости можно понимать проклятіемъ преступника. Историко-критическимъ замѣчаніямъ о нихъ и предназначаются настоящія наши строки.

I.

Болѣ ранній изъ относящихся къ нашей цѣли памятниковъ мы знаемъ по номоканону, ркп. 1528 г., библиотеки Barberini № 245 (σολ. 425—428). Въ отмѣчаемомъ теперь номоканонѣ онъ составляетъ собственно одну изъ главъ съ спеціальнымъ надписаніемъ—«*Περὶ δταν θέλουv να ἀφορρίσουv ἄνθρωπον με φαλμοχατάραν, πῶς γίνεται*».

По своему содержанию предполагаемое теперь церковное дѣйствіе представляетъ здѣсь сравнительно кратное послѣдованіе, но примѣнительно къ исключительной его цѣли—съ характерными особенностями—какъ со стороны обрядности, такъ и со стороны словеснаго элемента.

Въ частности, по уставу этого послѣдованія, для его совершенія требуется пригласить семь священниковъ, которые должны совершить литургію. По окончаніи литургіи они должны выйти въ облаченіи внутрь (на средину) храма. Здѣсь готовится тарелка, въ которую наливается „хорошій уксусъ“, а вокругъ ея ставится семь смоляныхъ свѣчей. Послѣ того въ тарелку кладется кусокъ негашеной извести въ объемѣ одного яйца, всѣ же священники берутъ въ свои руки по одной горячей свѣчѣ (вѣроятно, изъ поставленныхъ вокругъ тарелки) и по обычномъ началѣ совершаютъ самое послѣдованіе.

Роль cadaго священника въ этомъ совершеніи согласно уставу несложная, и именно—каждый изъ нихъ по очереди произноситъ предназначенную для него часть псалма и сверхъ того произноситъ еще такъ называемый здѣсь—„тропарь Иуды“. Когда всѣ семь священниковъ исполняютъ это, тогда,—говоритъ уставъ,—„да отлучаютъ и да творятъ отпустъ; тарелку же да перевернуть вверхъ дномъ и въ такомъ видѣ да оставлять ее внутри церкви“.

Послѣ уставныхъ замѣчаній, въ которыхъ предписано все только что сказанное, излагается въ памятникѣ и самое послѣдованіе. Согласно предначертанію вводнаго устава оно весьма простое. Собственно оно содержитъ изложеніе „тро-

паря Іуды“ и затѣмъ семи (по числу священниковъ) чтеній изъ псалтири, съ предшествующимъ каждому такому чтенію упоминаніемъ о надобности произнесенія предъ тѣмъ очереднымъ священникомъ указываемаго тропаря, хотя по уставнымъ замѣчаніямъ это произнесеніе должно не предварять чтеніе изъ псалтири, а именно заключать его. Кромѣ же чтеній изъ псалтири и упоминаній о тропарѣ Іуды здѣсь не имѣется рѣшительно никакихъ дополненій или уставныхъ замѣчаній,—и писецъ, поэтому самому, изложивъ послѣднее чтеніе, лаконически поставилъ—„Τέλος“, безъ всякихъ заключительныхъ поясненій, которыя были бы здѣсь во всякомъ случаѣ нелишни. Такимъ образомъ, здѣсь ни слова не сказано даже о томъ—въ какомъ собственно видѣ, какою именно формулою должно провозглашаться отлученіе, о которомъ ранѣе упомянуто въ уставныхъ замѣчаніяхъ. Предполагается, очевидно, выражать это—и краткою формулою, и въ свободномъ изложеніи.

Войдемъ теперь въ нѣкоторое критическое обзорѣніе частныхъ изложеннаго чина.

Приводимыя въ настоящемъ случаѣ чтенія изъ псалтири обнимаютъ: первое—псал. XXXIV, ст. 1—10; второе—псал. XXXIV, ст. 10—19; третье—псал. XXXIV, ст. 17—28; четвертое—псал. CVIII, ст. 1—12; пятое—псал. CVIII, ст. 13—22; шестое—псал. CVIII, ст. 23—31; псал. CXXXIX, ст. 1—4, и седьмое—псал. CXXXIX, ст. 5—14.

Какъ очевидно, изъ псалтири здѣсь примѣнены къ дѣлу только три псалма въ цѣломъ объемѣ. Эти псалмы: XXXIV, CVIII и CXXXIX. Въ ряду псалмовъ, однако, какъ увидимъ то ниже, имѣются и другіе, которые по содержанію вполне отвѣчаютъ цѣли настоящаго послѣдованія; таковъ, напр., въ особенности псалмъ LXXXII. Отсюда само собою вытекаетъ, что ограниченіе числа псалмовъ только тремя сдѣлано здѣсь по нѣкоторому формальному соображенію. И мы не ошибемся если скажемъ, что на этотъ разъ составителемъ послѣдованія руководило представленіе троичнаго числа, какъ священнаго для христіанъ.

Избранные теперь псалмы, далѣе, со стороны ихъ содержанія, суть не иное что, какъ сложныя формулы проклятій. Сущность послѣднихъ во всѣхъ этихъ псалмахъ, взятыхъ въ ихъ совокупности и выражаясь подлинными ихъ словами (только при замѣнѣ порою обозначенія адресата единственнымъ числомъ вмѣсто множественнаго) и насколько возможно въ систематическомъ изложеніи, сводится къ слѣдующему тексту:

„Вступишь, Господи, въ тяжбу съ тяжущимися со мною [и] побори борющихся со мною (XXXIV, 1). Избавь меня... отъ человѣка злого; сохрани меня отъ притѣснителя (СXXXIX, 2). Да постыдится... и покроется безчестіемъ умышляющій мнѣ зло“ (XXXIV, 4) и „да покроетъ голову“ его „зло собственныхъ устъ его“ (СXXXIX, 10). „Да будетъ онъ, какъ прахъ предъ лицомъ вѣтра, и Ангелъ Господень да прогоняетъ его; да будетъ путь его темень и скользокъ, и Ангелъ Господень да преслѣдуетъ его“ (XXXIV, 5—6). „Да падутъ на него горящіе угли; да будетъ онъ поверженъ въ огонь, въ пропасти, такъ, чтобы не всталъ“ (СXXXIX, 10). „Да придетъ на него гибель неожиданная“ (XXXIV, 8). „Поставь надъ нимъ нечестиваго, и діаволъ да станетъ одесную его. Когда будетъ судиться, да выйдетъ осужденнымъ, и молитва его да будетъ въ грѣхъ; да будутъ дни его кратки, и достоинство его да возьметъ другой; дѣти его да будутъ сиротами, и жена его—вдовою; да скитаются дѣти его и нищенствуютъ, и просятъ хлѣба изъ развалинъ своихъ; да захватитъ займодавецъ все, что есть у него, и чужіе да расхитятъ трудъ его; да не будетъ сострадающаго ему, да не будетъ милующаго сиротъ его; да будетъ потомство его на погибель, и да изгладится имя его въ слѣдующемъ родѣ; да будетъ воспоминаемо предъ Господомъ беззаконіе отцовъ его, и грѣхъ матери его да не изгладится; да будетъ онъ всегда въ очахъ Господа, и да истребитъ Онъ память его на землѣ за то, что онъ не думалъ оказывать милость, но преслѣдовалъ человѣка бѣднаго и нищаго и сокрушеннаго сердцемъ, чтобы умертвить его; возлюбилъ проклятіе,—

оно и придетъ на него; не восхотѣлъ благословенія,— оно и удалится отъ него; да облечется проклятіемъ, какъ ризою, и да войдетъ оно, какъ вода, во внутренность его и, какъ елей, въ кости его; да будетъ оно ему, какъ одежда, въ которую онъ одѣвается, и какъ поясъ, которымъ всегда ооясывается. Таково воздаяніе отъ Господа...“ (СѸІІІ, 6—20).

Какъ очевидно, во всей этой композиціи стиховъ изъ указанныхъ псалмовъ—поистинѣ пространный циклъ самыхъ энергичныхъ проклятій, адресуемыхъ на голову виновнаго въ преступномъ дѣяніи. И нельзя не согласиться, что совершаемое при торжественной обстановкѣ, на срединѣ храма, семью священниками, въ связи съ совершеніемъ литургіи, провозглашеніе всѣхъ этихъ проклятій не могло не производить сильнаго впечатлѣнія на присутствующихъ.

Обращаясь къ самому методу произнесенія тѣхъ же псалмовъ семью священниками, нельзя не отмѣтить одной любопытной особенности, и именно того распредѣленія со стороны составителя, чтобы на долю каждаго священника приходилось чтеніе собственно 10-ти стиховъ. Исключение изъ этого правила составляютъ только чтенія четвертое и шестое,—и то уже по необходимости. Насколько, дѣйствительно, такое соображеніе руководило здѣсь авторомъ, можно судить уже по тому одному, что только этимъ можно объяснить, почему первый и второй священники должны кончать чтеніе на половинѣ стиха, а потому второй же и третій должны продолжать чтеніе уже со второй половины тѣхъ же стиховъ. Почему здѣсь усвоится столь важное значеніе десятеричному числу—объяснить трудно. Едва ли, однако, на этотъ разъ не руководились тѣмъ представленіемъ, что по Ветхому завѣту всѣ преступления предусматриваются десятью заповѣдями Моисея, почему и всякій преступникъ долженъ пониматься не иначе какъ нарушителемъ десяти заповѣдей. При такомъ представленіи проклинаемый изреченіями изъ псалтири, въ соотвѣтствіе числу нарушенныхъ имъ заповѣдей, могъ трактоваться подлежащимъ проклятію

десятью же отдѣльными изреченіями или въ данномъ случаѣ—стихами изъ псалтири, разъ только она прилагалась къ осуществленію проклятiя.

Къ чтенію всѣхъ указываемыхъ теперь псалмовъ, а равно и къ совершенію всего послѣдованiя предназначаются, какъ сказано, 7 священниковъ. Число тоже, очевидно, исключительное. Очень можетъ быть, что на установленіе его здѣсь повліяло и вообще исконное, еще въ Ветхомъ завѣтѣ принятое, представленіе объ особенномъ значеніи сего числа. Можетъ быть, далѣе, здѣсь оказало вліяніе и примѣненіе того же числа совершителей къ таинству елеосвященiя. Такое объясненіе представляется довольно вѣроятнымъ, если при воззрѣнiи на елеосвященіе, какъ актъ врачующій болѣзни,—на настоящій актъ смотрѣть, какъ на церковное дѣйствіе, влекущее за собою, въ противоположность тому, пораженіе всяческими болѣзнями или недугами. Скорѣе всего, однако, здѣсь руководствовались тѣмъ представленіемъ, что проклинаясь, какъ лишаемый общенiя съ Церковью и ея благъ, подлежитъ вмѣстѣ съ этимъ и лишенію даровъ Св. Духа, полученныхъ имъ въ таинствѣ мвропомазанiя—даровъ, которыхъ по воззрѣнiю Церкви—семь. При такомъ представленіи, по воззрѣнiю составителя настоящаго послѣдованiя, каждый участвующій въ совершенiи проклятiя священникъ, проклиная преступника, тѣмъ самымъ лишаетъ его одного изъ даровъ Святого Духа. Можетъ быть, впрочемъ, дано, наконецъ, и еще одно объясненіе.—Подвергнутый проклятiю, тѣмъ самымъ предается во власть діавола. По воззрѣнiю же настоящаго номоканона *) оказать помощь—„ἀνδροπον δαίμωνιζόμενον“ можетъ особый актъ, совершаемый не менѣе, какъ семью же священниками. Примѣнительно къ этому, конечно, и отданіе кого-либо Церковью во власть діавола можетъ осуществиться только посредствомъ акта, совершаемаго священниками не иначе, какъ въ томъ же числѣ.

*) Въ другой статьѣ, на листѣ 423.

Параллельно чтенію псалмовъ весьма важное значеніе въ настоящемъ послѣдованіи усвоится, затѣмъ, произнесенію „тропаря Іуды“: „Днесъ Іуда оставляетъ учителя и пріемлетъ діавола, ослѣпляется страстію сребролюбія, отпадетъ свѣта омраченный, како бо можетъ зрѣти, свѣтило продавый за тридесятихъ сребренницѣхъ; но намъ возсія (страдавый за міръ, къ нему же возопимъ:) пострадавый и сострадавый человѣкомъ: (Господи) слава тебѣ“. Какъ очевидно, этому тексту усвоено надписаніе— „*τροπάριον τοῦ Ἰούδας*“, какъ дающему въ своемъ содержаніи сущность характеристики Іуды предателя.—Едва ли нужно упоминать о томъ, что настоящий тропарь не иное что, какъ четвертый антифонъ „послѣдованія страстей“ (утро великаго пятка).—Кромѣ того, что и по самой редакціи этотъ стихъ можетъ трактоваться приложимымъ къ цѣли послѣдованія,—для примѣненія его сюда усматривалось основаніе даже и въ одномъ представленіи личности Іуды предателя, къ которому онъ относится.

Обращаясь затѣмъ къ обрядовымъ дѣйствіямъ, которыя по предварительнымъ уставнымъ замѣчаніямъ должны сопровождать совершеніе трактуемаго послѣдованія, нельзя не обратить вниманія, что они отличаются особенною исключительностью. Они, какъ мы видѣли, обнимаются примѣненіемъ необыкновенныхъ—смоляныхъ свѣчей и затѣмъ особой смѣси изъ укуса и негашеной извести, надъ какимъ составомъ и должно читаться все положенное въ послѣдованіи.—Требованіе здѣсь свѣчей смоляныхъ, которыя по цвѣту черныя и составляютъ прямую противоположность обыкновенно употребляемымъ въ церкви восковымъ свѣчамъ—бѣлымъ,—отчасти можетъ быть объяснено мрачнымъ и печальнымъ назначеніемъ относящагося сюда обряда. Скорѣе же здѣсь исходили, повидимому, изъ того представленія, что подлежащій проклятію, какъ предаваемый во власть діавола, тѣмъ самымъ становится участникомъ его царства; царство же это—адъ,—по средневѣковымъ о немъ представленіямъ,—мѣсто, гдѣ грѣшники подлежатъ мученіямъ, между прочимъ,

и въ кипящей смолѣ. Можетъ быть, наконецъ, здѣсь хотѣли видѣть въ смрадѣ и непріятномъ дымѣ зажженныхъ смоляныхъ свѣчей символическое выраженіе „смрадности“ тѣхъ дѣяній, проклятію за которыя подпадаетъ адресатъ настоящаго послѣдованія.

Что же касается до употребленія смѣси изъ уксуса и негашеной извести, то на умѣстность примѣненія ихъ навело химическое послѣдствіе такого смѣшенія,—такъ называемая— бурная реакція. При ней разложеніе извести подъ воздѣйствіемъ уксусной кислоты производитъ кипѣніе, сопровождаемое выдѣленіемъ газовъ, а въ результатѣ остается густая и очень клейкая масса. Трудно сказать, что символически долженъ изображать такой обрядъ. Только приблизительно вѣроятнымъ объясненіемъ здѣсь можно принять то, что самый процессъ бурной реакціи можетъ пониматься, какъ символическое изображеніе гнѣва Божьяго на преступника, а остающаяся клейкая масса, какъ указаніе на „вязаніе“ властью Церкви совершившаго преступленіе.

II.

Другой памятникъ, посвященный той же цѣли, извѣстенъ намъ по сборнику, ркп. coll. Ottoboniana въ Ватиканской бібліотекѣ № 192. Онъ относится также къ XVI стол., но написанъ нѣсколько позднѣе, и именно 16 августа 1542 г. Указываемая рукопись представляетъ сборникъ въ болѣе широкомъ значеніи, чѣмъ совокупность статей разнороднаго содержанія. Онъ собственно—собраніе въ одномъ корешкѣ ряда отдѣльныхъ мелкихъ рукописей. Нашъ памятникъ и представляетъ здѣсь одну изъ такихъ рукописей,—особую рукописную тетрадку, вплетенную въ середину кодекса. Судя по виѣшнему виду этой тетрадки (и особенно второй изъ ниже указываемыхъ ея частей),—замѣтимъ,—въ свое время, она несомнѣнно была въ большемъ употребленіи.—Будучи отдѣльною рукописью, тотъ же памятникъ, далѣе, со стороны его содержанія, былъ предназначенъ для изло-

женія не только вообще занимающаго насъ послѣдованія, но даже и нѣкотораго собранія такихъ послѣдованій, т. е. представляетъ краткій сборникъ отлучательныхъ или проклина- тельныхъ послѣдованій. Собственно же, здѣсь по крайней мѣрѣ два такихъ совершенно самостоятельныхъ устава, двѣ редакціи одного и того же послѣдованія, объединяемыхъ развѣ только заключительною частью памятника, имѣющею, однако, уже другое назначеніе. Войдемъ теперь въ детальное обо- зрѣніе той и другой редакціи.

Первая изъ нихъ имѣетъ надписаніе: „Ἀκολουθία ἀφορισμοῦ“. Согласно ей все послѣдованіе отлученія прежде всего неразрывно связано съ совершеніемъ полного цикла суточного общественнаго богослуженія, путемъ нѣко- тораго приспособленія къ тому службъ этого круга и введенія въ ихъ содержаніе особыхъ чтеній и дѣйствій.—Соответ- ственно съ этимъ, къ нему сначала приспособляется вечерня, о совершеніи которой возвѣщается троекратнымъ ударомъ въ било. Приспособленіе ея заключается въ томъ, что она отправляется съ замѣною „Трисвятымъ“ пѣнія и произноше- нія—„Свѣте тихій“, „Сподоби Господи въ вечеръ сей“ и „Нынѣ отпущаеши“; сверхъ же того, при ея окончаніи не должно творить отпуска. Затѣмъ, вмѣсто повечерія, предписывается читать уже помянутый выше псаломъ—XXXIV, а на полу- нощницѣ—также принятый въ предыдущей редакціи пса- ломъ CVIII. На утрени,—предписываетъ уставъ,—„не сти- хословишь—ни псалтири, ни канона Богородицѣ,—но читаешь и поешь“ опять тѣ же псалмы. Отпуста также ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ творить не положено.

Къ литургіи и по этой редакціи, какъ и выше, пред- писывается приготовить чистаго уксуса и чистой извести, новый сосудъ, 7 же смоляныхъ свѣчей и пять просфоръ прѣсныхъ, сваянныхъ „двигая рукою взадъ и впередъ“.— Ударъ въ било къ литургіи долженъ дѣлаться лѣвою рукою, совершая же литургію священникъ надѣваетъ обувь съ правой ноги на лѣвую и обратно, и сверхъ того, облачается „во всю священническую одежду наизнанку“.

При самомъ совершеніи литургіи, уставъ предписываетъ,—во время великаго входа влить уксусъ въ сосудъ, а затѣмъ положить и известъ и, зажегши свѣчи на сосудѣ (?), читать: „Суди, Господи, обидящія мя“, т. е. XXXIV псаломъ. По окончаніи чтенія, предписывается—свѣчи погасить въ сосудѣ, затѣмъ разбить сосудъ, и все это сдѣлать такъ, чтобы никто не понялъ, что дѣлается. При совершеніи литургіи, сверхъ того, предлагается еще на выборъ—„когда поминаешь мертвыхъ, если хочешь, чтобы онъ (отлучаемый) померъ,—помяни и его въ ряду мертвыхъ; если же желаешь ему жить,—помяни его въ ряду живыхъ“.

Останавливаясь теперь на всемъ изложенномъ уставѣ не трудно видѣть, что обрядовыя детали и по нему въ сущности тѣ же, что и по разсмотрѣнной редакціи. Болѣе или менѣ замѣтную особенность представляетъ развѣ то, что отъ совершителя обряда здѣсь требуется особый приѣмъ при обуви и надѣвать облаченіе наизнанку. Для такихъ особенностей можно усматриваетъ объясненіе, кажется, только въ томъ, что въ данномъ случаѣ предполагается совершеніе акта, который по своей цѣли въ сущности противоположенъ назначенію вообще церковнаго моленія и богослуженія.—Въ дополненіе къ этимъ особенностямъ нельзя не упомянуть еще и про гашеніе свѣчей въ сосудѣ со смѣсью и затѣмъ въ уничтоженіи этого самаго сосуда. Первое—гашеніе свѣчей должно пониматься какъ выраженіе того, что вслѣдъ за исполненіемъ обряда не можетъ имѣть мѣста какое-либо церковное моленіе объ отвергнутомъ церковью. Впрочемъ, быть можетъ этимъ дается понять и о скорби церкви о принявшемъ проклятіе. Разбитіе же сосуда можетъ трактоваться указаніемъ на духовную смерть впредь проклинаемаго. Сверхъ наблюденія всѣхъ отмѣченныхъ выше обрядовыхъ дѣйствій, по настоящей редакціи предписывается еще читать надъ сосу́домъ съ уксусомъ и известью долгій рядъ „молитвъ отлученія“; однако, когда и гдѣ именно должны читаться, на то не имѣется никакого указанія. Въ этихъ молитвахъ собственно и заключается все существо